

В снегах Выборга

«Уважаемая Антонина Александровна!

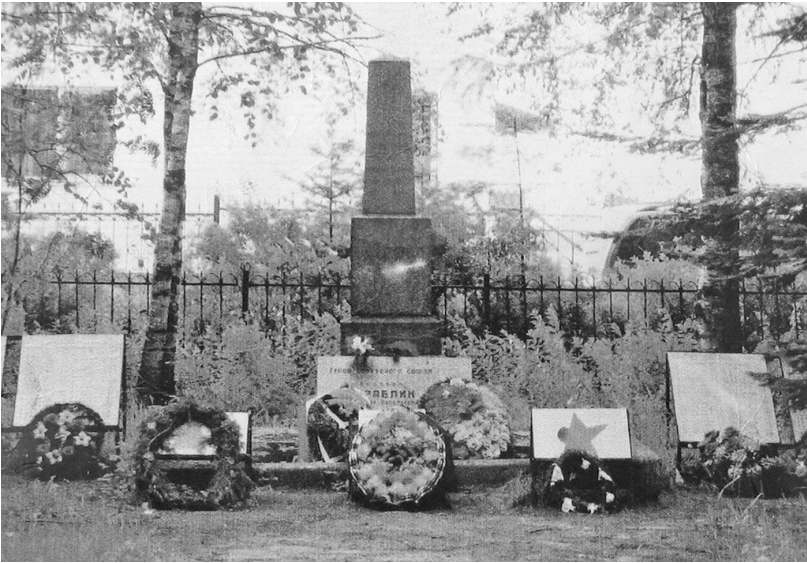
Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13.01.1949 года поселок Выборгского района Ленинградской области назван в честь героически погибшего на Карельском перешейке 25 декабря 1939 года лейтенанта Семашко Александра Платоновича, который проходил службу в 220-м стрелковом полку 4-й стрелковой дивизии.

Через архив Советской армии мне удалось установить указанные данные, а через Минский облвоенкомат я узнала адрес вас, жены А.П. Семашко... Сейчас мной готовится к печати второе издание книги «Славные имена», в которой будет очерк и о лейтенанте А.П. Семашко. Кроме того, по просьбе жителей поселка, где находится могила и памятник лейтенанту, о нем будет рассказано в газете «Знамя коммунизма». Поэтому очень прошу вас подробнее описать биографию лейтенанта Семашко...»

Путь мужества

Это письмо, написанное ленинградским краеведом, капитаном третьего ранга в запасе Иваном Стрелковым весной 1966 года, и поныне, как дорогая реликвия, хранится в семье пенсионерки из белорусского города Слуцка Нины Самусевич. Тогда, полвека назад, ее мать Антонина Александровна, спустя 27 лет после гибели мужа узнавшая о месте захоронения, увековечивании его памяти, тут же выполнила просьбу ленинградца. Она сообщила все, что знала о своем муже. Рассказ получился небольшой, как, собственно, и их совместная счастливая жизнь...

Родился Александр Семашко в 1910 году в деревне. Окончил школу, а потом – Марьиногорский сельскохозяйственный техникум. В 1936 году новоспеченный агроном по распределению приехал работать на плодовоощную базу в Слуцк, где и познако-

Воинское захоронение, где покоится прах лейтенанта Семашко

мился с молодой учительницей младших классов Антониной Александровной. Вспыхнула любовь, которая очень быстро привела к свадьбе.

Время было сложное. Власти призывали к повышенной бдительности. Пропаганда пугала врагами внешними и внутренними. По ночам «черные воронки» увозили людей в страшную неизвестность. Александр и Антонина купались в своей любви, честно трудились, стараясь не вникать в политику. Но она вскоре сама вторглась в их жизнь. Александра призывали в армию, определили в школу младших командиров. Старательному солдату иногда давали отпуск, и он словно на крыльях летел к жене и мельниковой дочурке Нине. Однажды сообщил: ему предлагают стать кадровым военным. Отказ комсомольца от такого предложения, особенно когда над Европой собирались грозовые тучи, мог иметь негативные последствия, да и слова «красный командир» в то время звучали гордо...

Служил лейтенант Семашко на советско-польской границе. Потом его часть перебросили на Карельский перешеек, где начина-

лась война с Финляндией. Александр писал домой: не переживайте, жив-здоров, вскоре вернусь домой с победой, ведь Красная армия всех сильнее... Не получилось. В Слуцк пришла похоронка: лейтенант Александр Семашко пал смертью храбрых 25 декабря 1939 года...

Зигзаг судьбы

Можно представить боль и отчаяние молодой вдовы, оставшейся с годовалой дочерью на руках, когда в Белоруссию доносились угрожающие отголоски вспыхивавших в Европе военных конфликтов. Но вслед за похоронкой Антонине Александровне пришел конверт, подписанный незнакомым почерком. Лейтенант Дмитрий Иванов сообщал, что с Александром Семашко они были хорошими друзьями. И дали слово: в случае гибели одного другой позаботится о его семье. Вот Дмитрий Андреевич и просит разрешения приехать к Антонине Александровне...

Вскоре лейтенант Иванов прибыл в Слуцк. Рассказал Антонине Александровне подробности гибели ее мужа, о которых писать в

Александр и Антонина Семашко – молодые и счастливые

письме он не имел права. Зима 1939-го была особенно суровой, от морозов трепали даже деревья, снег заваливал избы до окон. А на Севере, на Карельском перешейке, в такую стужу многие наши солдаты были в шинелях. Мерзли в окопах. Финны заранее подготовили глубоко эшелонированный укрепленный район – линию Маннергейма. Солдаты их были в легких белых кожанках – тепло и на снегу незаметно. Все на лыжах. Наши, замерзшие, в 40-градусный мороз, когда пальцы прилипали к железу, наступали без лыж, проваливаясь глубоко в снег. И в этих условиях лейтенант Семашко смог поднять солдат в атаку, захватить поселок. Но сам был убит...

Отношения красивой, рассудительной Антонины и степенного Дмитрия постепенно стали выходить за рамки дружеской заботы. Пришло время, и лейтенант попросил руки учительницы. Антонина долго колебалась, но в конце концов согласилась. Ей нужно надежное плечо, дочери –

отец. Дмитрий написал об этом домой, в город Калинин, и с берегов Волги пришло родительское благословение. Когда миновала годовщина со дня гибели Александра Семашко, за день до нового, трагического 1941 года они зарегистрировали брак. Антонина уехала с мужем в военный городок. Дочь Нина осталась в Слуцке с бабушкой...

Но вернувшееся к молодой женщине семейное счастье было недолгим, его опять оборвала война, более страшная и кровопролитная. Почти с первых дней Великой Отечественной Дмитрий Иванов оказался на фронте. Антонина с Ниной и крошечным сыном Леонидом осталась на оккупированной территории. Долгие годы женщина ничего не знала о судьбе второго мужа. После освобождения Слуцка от гитлеровцев она получила от войны еще один страшный удар в виде краткого извещения: «Ваш муж, капитан Иванов Дмитрий Андреевич, погиб 10 августа 1943 года в бою за деревню Жилино Калужской области...»

Память сердца говорит

После войны Антонине Александровне еще не раз предлагали руку и сердце. Она категорически отказывалась, посвятив жизнь воспитанию детей – своих и ребятишек одной из слущких школ. На могилу первого мужа никак не выбралась. Но когда спустя два года после письма выборгского краеведа Нина собралась в Ленинград, наказала дочери: непременно посети захоронение отца, возложи цветы!

Нина Александровна нашла в Выборге Ивана Стрелкова. Краевед свозил ее на братское воинское захоронение, где покоится и прах ее отца.

– На памятнике так и написано: лейтенант Александр Семашко, в честь его назван населенный пункт, – рассказывает Нина Александровна. – Иван Алексеевич сказал, что книга с очерком об отце готовится к изданию, он выйдет нам ее экземпляр, но покакой-то причине мы его так и не получили...

На могилу отца Нина Саму-

«До свидания, девочки!...»

Ирина Левченко

Евдокия Пасько

Людмила Павличенко

Они уходили на ту страшную войну тысячами. Юные девчата, в руках которых вместо букета майской сирени, преподнесенного влюбленным мальчишкой, оказались снайперская винтовка, штурвал ночного бомбардировщика и даже рычаги танковых фрикционов. Увы, многим не пришлось вернуться в родной дом. Наш сегодняшний рассказ – о девочках Великой войны. Живых и мертвых.

...Шел сорок второй год. Самый тяжелый год Великой Отечественной, который был, наверное, страшнее сорок первого. Крымская катастрофа, которую иначе как бойня не назовешь. В самом центре тех событий, на Керченском полуострове, оказалась семнадцатилетняя девчонка, санструктор Ира Левченко. Она спасла жизни десятков танкистов, за что удостоилась высшей награды танковых войск, которую, правда, нельзя ввести в формуляры и записать в анкету, – залпа башенных орудий всей бригады.

«Танки пошли в атаку, – вспоминал комбат Туркато, – мы просто ахнули, когда увидели, что за танком бежит наша девочка-санструктор. «Ириска», как

ее ласково называли танкисты, вытаскивала ребят из горевших машин, делала перевязки, тащила на себе в тыл...» В боях за Крым «сестричка» Иронка оказала медицинскую помощь тридцати раненым, еще двадцать шесть бойцов вытащила из-под огня вместе с оружием и даже (что вот уж действительно уму непостижимо!) захватила в плен румынского пулеметчика вместе с пулеметом! Такие вот были тогда у нас девочки...

Ира душой и сердцем, что называется, прикипела к танковым войскам. И случилось чудо, которого не было ни в одной армии мира. Ошалевшие инстанции одна за другой подписывали ее рапорт о направлении на учебу, и в сорок третьем, после ускоренных курсов, Ирина Левченко прикрепляет на погоны серебряные танки и две лейтенантские звездочки. Она стала командиром легкого танка Т-60. Эту машину можно назвать претечей современной БРДМ (боевой разведывательно-дозорной машины). В умелых руках легкая коробочка «шестидесятки» становилась грозным оружием за счет скорости и маневра: например, известен случай, когда, словно на живца, один

Т-60 вывел под убойную прямую наводку противотанковых батарей сразу двух тяжелых «тигров», что бросились с азартом его преследовать. За что и «благотолучно» поплалились стараниями наших противотанкистов.

Второй Украинский, Третий Украинский... Освобождение Украины, Молдавии. На войне люди взрослеют быстро, и вот уже вчерашняя девочка Ира становится товарищем гвардии старшим лейтенантом, командиром танкового взвода Ириной Николаевной Левченко. Вспохоли сальют Победы она встретила с тремя (!) орденами Красной Звезды, орденом Ленина и Золотой Звезды Героя Советского Союза. И еще десятью медалями, как в орнаменте. После войны Ирина Николаевна написала несколько книг, самой знаковой из которых и по содержанию, и по названию стала «Хозяйка танка».

Девочки наши взлетали и в небеса. Небеса ночные, исполненные трассерами пулеметов и вспыхиваки разрывов зенитных орудий. И делали такое, что не каждому мужику было под силу.

...Евдокия Борисовна Пасько, тогда еще просто девочка Дуса, родилась в 1919 году в малень-

ком селе Липенка, что под далеким среднеазиатским Пржевальском. После окончания школы поступила на механико-математический факультет Московского университета. Да, такое тогда было возможно: абитуриенты принимались в отечественные вузы в зависимости от уровня подготовленности, знаний и желания танкового взвода Ириной Николаевной Левченко. В октябре сорок первого, когда враг неумолимо приближался к Москве, студентка Евдокия Пасько положила на стол военкома заявление с просьбой о зачислении в Красную армию. Военные посмотрели на маленькую хрупкую девушку, переглянулись и... дали направление в штурманскую школу. И вот вчерашняя московская студентка Евдокия Пасько уже штурман экипажа, а потом и штурман эскадрильи 46-го Гвардейского Таманского авиационного полка ночных бомбардировщиков.

Был такой маленький самолетик-биплан По-2, который еще до войны, казалось, были готовы как боевую единицу списать со

счетов. Тихоходен, едва вооружен – что, мол, с него взять? Но с началом гитлеровского нашествия именно наши девчата доказали обратное, сев за штурвалы и прильнув к пулеметным прицелам «небесных тихоходов». И очень скоро немецкое насмешливо-презрительное «рус-фанера» превратилось в панические радиоповести: «Ахтунг! В небе – ночные ведьмы».

Они не были ведьмами. Они были просто советскими девочками, мстившими за свою растерзанную и выжженную землю. А наши женщины, даже самые юные, мстить за это умеют. Вскоро устроители «нового мирового порядка» испытали это на собственной шкуре...

...Маленький самолетик плыл в тревожном ночном безмолвии звездного крымского неба. Позади – Тамань, где-то впереди – узкая полоска крымского берега, за которую отчаянно уцепился десант нашей морской пехоты. Враг всеми силами пытался сбросить его обратно в море. Снаряжение и боеприпасы были в ту ночь

нужны морякам как хлеб, как воздух. И тогда, чтобы помочь своим мальчишкам, в ночное небо поднялись девочки, одной из которых была и Евдокия Пасько.

На коленях – раскрытый планшет. Штурману положено контролировать многое: курс, приметные наземные ориентиры, «воздух», то есть наблюдать, нет ли приближающихся вражеских самолетов.

По-2 – машина удивительно живучая. Это к ней в полной мере относятся строчки из известной фронтовой песни: «Бак пробит, хвост горит, но машина летит на честном слове и на одном крыле». И еще – способная планировать. Поэтому девочки, выходя на бреющий, вырубали двигатель, и через свист ветра можно было даже услышать стрекот цикад. Они кричали, свесившись через кабины: «Полундра! Ты где?!» И в ответ из чернильной темноты от невидимых моряков доносилось: «Сестренки, мы здесь!...» И на землю летели мешки. А потом самолет врубал движок, и, уходя домой, сестренки

севиц приезжала дважды. Разговаривала с местными жителями, краеведами, но ничего нового о последних героических минутах Александра Платоновича так и не узнала. Сведения очень и очень скудные. Такой дефицит информации в общем-то объяснить нетрудно. Финнам, коренным жителям деревни, за которую погиб лейтенант Семашко, помнить о его подвиге было ни к чему, да и после Великой Отечественной многие из них переехали на территорию Финляндии. На их место приехали советские переселенцы, которые о довоенном прошлом населенного пункта имели представление весьма смутное...

Нина Самусевич многие годы работала товароведом и сейчас трудится в главном магазине древнего белорусского города. Старается всем помочь, везде успеть. Но когда пару лет назад получила приглашение из Выборга на торжества по случаю очередной годовщины освобождения района от фашистов, ответила: очень хотела бы приехать, да здоровье не позволяет, ведь уже за 70 лет... И попросила сообщить дополнительные, уточненные данные о далекой, но близкой ее сердцу деревне, истории ее названия.

За подписью работника отдела культуры Выборгского райисполкома Галины Ткаченко пришло краткое описание истории северной деревни, а в конце лаконичное: «По постановлению общего собрания колхоза им. Сталина зимой 1948 года деревне Айрикала было выбрано наименование Лужки. Видеологизированное название не удовлетворило ответственные инстанции, и спустя несколько месяцев деревня получила другое название – Семашко, с обоснованием: в памяти о лейтенанте Александре Платоновиче Семашко, похороненном в деревне Айрикала... Высылаю фото братского воинского захоронения, где похоронен лейтенант Семашко».

Увы, такого объяснения мало. И не только для Нины Александровны, но и для ее земляков, для всех нас. Подвиг не должен быть неизвестным...

Владимир БЫЧЕНЯ

советских морпехов превращались в настоящих ночных ведьм для немцев: на их ошалевшие головы сыпались бомбы. Со святимы упокой...

Наши летчицы стали такой «головной болью» для врага, что за сбитый ночной бомбардировщик автоматически полагался «Железный крест».

А вот Евдокия Пасько за бои в Крыму, за участие в освобождении Севастополя стала Героем Советского Союза.

Славный Гвардейский Таманский, оставляя в пути на запад букетики незабудок на могилах боевых подруг, прикрывал сверху наши танки в Беларуси, что пронеслось по дымящимся мостам через Сож, Березину и Припять, девочки наводили ночной ужас на гитлеровцев под Бобруйском, Пинском и Барановичами, а потом моторы их самолетов победно застрекотали уже над Польшей.

Но вернемся с небес на землю. Хорошо известно, что женщины осммотрительнее, внимательнее и терпеливее мужчин. Для какой военной профессии эти качества важнее всего? Правильно, снайпера. И когда пришла военная беда, наши девочки взяли в руки винтовки с оптическими прицелами.

Центрами боевой подготовки девушек-снайперов стали местные стрелковые школы Всевобуча РККА по всей стране. И очень скоро фашисты почувствовали, что значило попасть в перекрестье оптического прицела «руссиш фройляйн с винтовкой». Боевой счет только одной Людью Павличенко, снайпера бригады морской пехоты Черноморского флота, – 309 вражеских солдат и офицеров. Это почти батальон! Немцы стали рассказывать друг другу даже легенды о мистической, невидимой и разящей в самом неожиданном месте «Черной фразе». А именами Алии Молдагуловой, Тани Костириной, Наташи Ковшовой, Маши Поливановой, Тани Барамзиной и многих других девчонок-снайперов, павших на фронтах Великой Отечественной или доживших до оглушительного дня сорок пятого, назвали улицы и площади многих наших городов. И в России, и в Беларуси, и в Казахстане... Они защищали нашу единую тогда Родину – Советский Союз...

Александр ЧУДАКОВ